

Николай Бизин

Художник,
не достигший
совершенства

Николай Бизин

**Художник, не достигший
совершенства**

«Алисторус»

2026

УДК 82
ББК 84(2)

Бизин Н. И.

Художник, не достигший совершенства / Н. И. Бизин —
«Алисторус», 2026

ISBN 978-5-00269-366-5

Лучше всего для новой книги подойдут слова именитой поэтессы Юнны Мориц, написавшей об авторе буквально следующее. Николай Бизин иногда говорит о некой а-поэтичности своих стихов, таким образом намеренно снижая их стихотворные достоинства, изукрашенность звукообразами, пафосными оборотами. Внешне всё это так и выглядит, но для внимательного читателя очевидно, что всё это — присутствие самобытной речевой интонации. Это вполне укладывается в традицию русской поэзии, такими приёмами пользовались и Николай Глазков, и Олег Григорьев, вполне себе достигая подлинных поэтических высот. В новой книге Николая Бизина «Художник, не достигший совершенства» присутствует сквозная рифмовка, где звук плавает свободно, подобно серебряной плотве в омуте языка. Для широкого круга читателей.

УДК 82
ББК 84(2)

ISBN 978-5-00269-366-5

© Бизин Н. И., 2026
© Алисторус, 2026

Николай Бизин

Художник, не достигший совершенства

В авторской редакции и пунктуации.

© Бизин Н. И., 2026.

© ООО «Издательство Родина», 2026

Каждый из нас представляет себе Рай как прекрасное общество, полное чудесной вседозволенности, абсолютно лишённое каких-либо запретов. Но никто не догадывается, что и в Раю могут быть свои жестокие правила. *Донасьён Альфонс Франсуа де Сад, часто именуемый как маркиз де Сад – французский аристократ, политик, писатель и философ. Был проповедником идеи абсолютной свободы, которая не была бы ограничена ни нравственностью, ни религией, ни правом. Основной ценностью жизни считал утоление стремлений личности.*

Любая история, в смысле,
Если она завершается,
Смыслом имеет любовь.

Любая история смысла
Вовсе почти не имеет,
Если в пути продолжается.

Лишь повторяется вновь
В смыслах глобальных! И даже
В мыслях моих пятна сажи,

Что я на солнце нанёс...
После затеял стереть.
Сам вместо солнца гореть.

Но я как трель соловья,
Числю лишь круги своя,
В смыслах имея любовь.

Niko Bizin

Сербский богослов преп. Иустин (Попович) писал в 1940 г.: «Если на нашей планете есть что-то страшнее самого страшного, то это, без сомнения, апокалипсис европейца... Очевидно, что этот апокалипсис наступил, т. к. все приобретения людей Европы потихоньку уже обволакиваются апокалиптическими страхами и невиданными ужасами... Потрясает агония европейской культуры, построенной на “непогрешимости” и самодостаточности европейского человека».

«Впервые за сто лет и на глазах моих / Меняется твоя таинственная карта!» – так писал о Европе Осип Мандельштам после начала I Мировой войны. Потом была II Мировая и новый передел Европы. И вот сейчас мы наблюдаем третье, куда более необратимое изменение этой

«карты». По словам идеолога «новых правых» Гийома Фая «Наши народы сталкиваются с самыми серьёзными угрозами за всю свою историю: демографический крах, колонизация в результате наплыва инородцев и мусульман, разложение европейских структур, подчинение американской гегемонии, забвение культурных корней и т. д.»

Европа перестает быть «страной священных камней», на которую уповали просвещенные русские. Герой романа Ф. М. Достоевского «Подросток» Версилов говорил: «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия; каждый камень в ней мил и дорог. Европа так же точно была Отечеством нашим, как и Россия... О, русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого Божьего мира, эти осколки святых чудес; и даже это нам дороже, чем им самим!»

О неизбежной деградации европейской человеко- и вещепоклоннической цивилизации предупреждал еще Ж.-Ж. Руссо. «Величественная драма и страшная трагедия европейского человека и всех его завоеваний», о которой говорил преп. Иустин – тоже в связи с Достоевским, кажется, подходит к своему историческому финалу. Об уровне перемен на европейской карте свидетельствует простой пример. Всего 9 лет прошло с тех пор, как в Москве состоялась международная конференция «БУДУЩЕЕ БЕЛОГО МИРА». На ней была принята такая резолюция:

Исходя из сознания общности происхождения наших народов, сходства их языков и культур и воли сохранить свою самобытность;

Учитывая смертельную опасность, которая угрожает сегодня всем народам европейского происхождения, без исключения, которые рискуют не только утратить свою самобытность, но даже прекратить свое историческое существование;

Констатируя, что правительства государств и существующие международные структуры, включая НАТО, не обеспечивают выживание народов европейского происхождения и, хуже того, усугубляют опасность и не прилагают нужных усилий для сближения Европейского Союза и России, что сегодня жизненно необходимо,

Мы, участники названной Конференции приняли решение:

– создать альтернативный международный Совет, главной целью которого будет борьба за выживание белых народов и сохранение их самобытности...

Где этот Совет?! А Фай на той конференции, между прочим, выступал так: «Те, кто заявляет, что Россия – азиатская страна, заблуждаются. Те, кто говорит, что Россия – Западная страна, заблуждаются тоже. Россия – страна европейская; я даже скажу – сверхевропейская. Ее особая судьба – объединить все европейские народы. С Россией европейцы смогут объединиться и отстоять свой мир; без России, без ее пространств, без ее народа, без ее гения – невозможно ничего».

*Марина Кудимова (29 ноября 2015 г. в 11:45 ·
АПОКАЛИПСИС ЕВРОПЕЙСКОГО ЧЕЛОВЕКА)*

Народ тебе должен многое, но ты должен народу всё.
Виктор Топоров

* * *

А игрушки вдруг кончились.
На границе скопилась войнушка.
И готова сорваться в войнищу
Всеми кровью своей и говнищем.

Каково тебе, духом нищий?

Умереть ты готов, а убить.
Или даже попросту выжить.
Сохранив для духовной пищи
Поголовье жующих голов.

Каково тебе в этом будущем?

Я не думаю мысли пошлые.
Не мечтаю вернуться в прошлое.
Принимаю лишь настоящее,
Где всё будет, как Ты велишь!

Господи, твоя тишь.

Заводи, где камыш.
Проводы к той звезде.
Мир, который всегда.
Мир, который везде.

* * *

Быть высокого мнения о себе.
Слюнкою на губе.
Пелёнкой, из которой не вырос.
И только Истина звонкая

Являет свою милость.

Быть высокого мнения о себе.
И с крыши вдруг водосток!
Смывая после дождя
То, чего не понимаю.

И оставляя гладь.

Зато я умею Истиной тоненько прорасти,
Но не подпирать плечом.
Зато вышивать лучом
Волшебнейшие мистерии.

Здесь ты скажешь, что мир материя.

И она из разумных корпускул.
А я к ним приправой добавлен как мускул.

* * *

Продолжаем выкликивать свои души по именам.
Из глуши в сердцевину и оглядываться о по сторонам.
Николай-победитель или Илия – тот пророк,
Что сказал мне однажды: жив Бог Израиля.
Тот самый (от Авеля), что ныне стал русский Бог.

И сие не явление культуры или фольклор.
Я знаю, что русский Бог не есть синекура.

Продолжаем выкликивать свои души по именам.
Из глуши в сердцевину и оглядываться по сторонам.
На четыре Стихии Света Россия всего одна!
Значит, должна мне многое, но – у многого есть цена
Неоплатная; и – на попятный никак.

И не кесарю кесарево и Богу богово, а что-то ещё
Как пророку пророково: знать, что должен ей всё.

* * *

Беру вещество. Помну.
И вот уже существо
Достойное, чтоб обжечь.
Это и есть речь.

Беру пространство. Помну.
И вот уже постоянство,
В котором я утону...
Любого так губит чванство.

Дескать, могу возлечь
И на свою речь,
Ежели вертикальна!

Это не есть фатально.

Ни во плоти не сгинуть.
Ни душой не покинуть.
Здесь и сейчас жить.
Об этом и есть рассказ.

Беру вещество. Помну.
Беру существо. Тону

В безднах и божествах.
И всё это (не)безвозмездно.

* * *

Ложь открывает не меньше, чем правда.
Ждѐшь, что от лжи будет награда,
И упадѐшь в самую ложь!
Все миражи вдруг разогнав

Ряской по глади.

Я ведь ни пяди неба не видел,
Ежели ложью нѐбо обидел;
Но – не об этом! Каплею света
Ложь как примета: там не найдѐшь

Большую правду (меньшую ложь).

Вновь не об этом.
Есть ли любовь
Больше любви?
Если в крови малых корпускул

Мускул сердечный (вечное солнце)

Тянет к себе и от себя,
Тоже любя (даже губя).

* * *

Покорявшие континенты
Покорить пытались Россию,
А потом всегда незадача...
Но какое здесь дерзновение!

На мгновение могу представить,
Что удача мне улыбнулась.
И теперь я живу красиво:
Покорителей поколения

Получают власть над вещами!
Только души их измельчают,
Как на нынешней Украине...
И во имя Отца и Сына,

Так же Духа того Святого
Я себя побеждаю снова
И пойду спасать человечество...
Но сначала своё Отечество.

* * *

Р. С. Я солдата на фельдмаршала не меняю!
Фраза впервые прозвучала в фильме Ю. Н. Озерова «Освобождение». – Иосиф Виссарионович Сталин

* * *

Мы. Делали. Дело.
Мы. Бежали. От Слова.
Мы. Узнали. Пределы.
А на что мы готовы

На спокойной земле – на незримом крыле:
В корабле утонувшем так ищут сокровище.
Я люблюсь минувшим (мой потерянный рай).
Ты, любимая, знай, что тебя не любил,

Но хотел полюбить.

Край земли (ты – не край),
На тебя я ступил, а потом – заглянул.
И в любви утонул, не достигнув её...
Так мы делаем дело своё.

Только. Тело. Старее (душа покидает жильё,
И тогда навсегда молодеет).

* * *

Р. С. Ни у какой истинной книги нет первой страницы. Как лесной шум, она зарождается бог весть где, и растет, и катится, будя заповедные дебри, и вдруг, в самый темный, ошеломительный и панический миг, заговаривает всеми вершинами сразу, докатившись.
Борис Леонидович Пастернак

* * *

А выхода просто нет.
Ты либо видишь Свет.
Либо его не видишь.

Любо мне быть в пространстве.

Странствуя в окаянстве,
Я от зеницы ока
Вижу не столь глубоко.

Властвую губы в губы.

Любо мне быть во времени.
Плоть, что любить способна.
Суть, что любви подобна.

Вот он, подробный мир.

А выхода просто нет.
Если не вижу свет (но и не став загробным),
Сам становлюсь рассвет.

* * *

_____моей маме

В вихре светлых теней
Вспыхнет память о ней.

Пламени здесь не будет.
Имени здесь не будет.

Но и нирваны Будды.
Пусть человек судит

(сколь человека хватит,
Скаль, душа, свои зубы).

Всё равно ни гроша.
Лишь теней антраша.

Души без очертаний (всадники без коней).
Только сила корней (в их горсти энтропия).

Верую – ибо в мире
Некое есть окно (что впереди – дано).

* * *

_____моя милая мама

Завещание матери —
Лишь прощение матери.
Вся материя местности
Соглашается с грешностью.

Только мама простила.

И просила материю,
Чтоб была мне по силам.
Но я долго не слышал,
Уповая на душу

(а душа так без мамы мала).

Завещание матери —
Лишь прощение матери.
Лишь прощение блага внесла
Тихим шёпотом света и молчанием тепла.

* * *

P. S. Сочинение плохих стихов делает человека намного счастливее, чем чтение самых распрекрасных стихотворений.

Герман Гессе

* * *

Как дальше продолжать
Рожать себя всечасно?
Опасно чтоб душе,
А телу безопасно...

Совсем не знаю я,
Душа моя!

Я потянусь за трелью соловья
И в даль её.
И это всё – моё.

И это всё – твоё. Но – всей душой

Ты поспеши за трелью соловья!
А тело мне оставь.

Там бесконечность – явь.
А здесь – как Лету вплавь (всего лишь выжить).
Ты бесконечен, лишь когда провидишь,
Когда погибнуть можешь

Без меня – как тело,
Которое бездушья не хотело.

И вот – оно в ничтожнейших пределах
Мне дело отыскало... И души мне мало.

* * *

**_____памяти моей мамы, новопреставленной хуцёвской комсомолочки рабы
Божией Александры Николаевны Бизиной (08.01.2025)**

Вчера любовь – была.
И были вечера.
И были ночи, но – не стало дня.
Не стало вдруг незримого огня.

И плоть – пуста.
И суть – чиста от мысли,
Что смысл есть у всего.
Что даже ничего – не просто так.

И это тайный знак,
Что мало – просто видеть, надо – зреть.
Что вновь – светла любовь. Что я могу сгореть,

Но – не сейчас!
Сейчас – как будто смерть.
А после – чудо: быть и Воскресению,
Но – не сейчас... И не дожить Спасению.

* * *

Несколько неудач – это одна задача.
Множество неудач – это моё у-Божество,
Ежели я заплачу.

Значима здесь река (и её берега).
Значимы здесь поля – это моя земля,
Это моя доля.

Воля в подлунном мире – там, где цветёт сирень.
Там, где любовник ждёт и истомился весь.
Этакий летний день,

Взял я его на вес – словно бы на ладонь.
А далеко гармонь – звук её глубоко
В тело моё проник капельками ДНК.

Несколько неудач – это одна задача.
Множество неудач – это мои века.
Пусть о веках поплачу (Вечность же вся легка).

* * *

Словно тропкою узкой
В огромном пра-языке
Учебник русской грамматики
Синицей в моей руке.

Сколько-то грамм души
В физической акробатике.
Учебник русской грамматики
Тропою в моей глуши.

Задолго до право-писания,
Задолго до лево-писания
Я выбрал небо-молчание
И правила изучал

Не так, как их рисование!
А именно риско-вание,
А далее искро-вание
По самому краю скал,

Словно кремень с огнивом.
Я изрекаю диво,
Причём изрекаю грамотно,
Причем изрекаю складно.

Как требует право-писание,
Как требует лево-писание,
Как требует хлебо-писание,
Как требует небо-молчание!

Не будут крово-пускания в безграмотные слова,

Но будет храм Покрова
Там, где русский язык изречён и велик.

* * *

_____ **Юнне Мориц, с восхищением**

Непреходящей красоте в недостижимой высоте
Слова вне слов я произнёс!
И где-то там загавкал пёс,
Прохожего предупреждая.

И соловей примолк, пережидая.

Как будто от полей пришла зима седая.
Тишком дома укутались снежком.
Сама природа этаким стежком

Незримые слова мои сшивала
Из Сил Невидимых и небывалых.
В иглу влагала нить, чтоб на пиру
Бессмертных не забыл в своём углу

Холостом подобным губы отереть!
На пьедестале плоти не сгореть.

Я был доволен малым – наблюдал,
Как Юнна Мориц собственный металл
Для той иглы нашла и раздала
Всем, кому Слово во главу угла.

* * *

_____ **Высшее Качество Жизни Моей. (Ю. М.)**

Высшее качество жизни моей:
Если вдруг отыщется в ней
Недостаток один одиночества!

Есть средь ветвей соловей.

Высшее качество жизни моей:
Даже (пусть) соловей тот – сверчок!
Даже (грусть) сверчок тот – умолк.

В этом особенный толк.

Высшее качество жизни моей —
Это особенный такт!
Если корпускулы – в текст.

Если корпускулы – в Свет.

Высшее качество жизни моей,
Если корпускулы – в звук
Примет из губ соловей.

Р. S. Смерть улыбается каждому из нас. Мы можем только улыбнуться ей в ответ.

Марк Аврелий

Р. S. Владимир Скобцов

ОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ

В 2014-м позвонила знакомая бардесса из Запорожья.

Ответь честно, что там у вас происходит? – спросила она.

– Украинские военные убивают мирных жителей Донбасса, – честно ответил я.

– Ты пойми: они же не просто так убивают, – сказала она менторским тоном.

Я повесил трубку.

* * *

Всё происходит как заведено.
Я размотаю для веретена
Всю эту ткань по ниточке тончайшей.

Останется узор мельчайший.
Мерцающий такой узор.

К нему не прикоснётся хищный взор.
Такое вдруг молчание начнётся...
А после покачнётся и оно!

Я подобрал уже веретено
И для него! Ведь я хочу – всего.

Я этого «всего» хочу – для всех.
И что же? Получились смех и грех
Для всех вокруг! Мир словно первый снег.

* * *

И опять Россия одна.
И опять как ровная гладь,
Что до самого горизонта...
Так было во все времена.

И опять только лишь она,
Словно бы против ветра зонт.
И метет этот темный ветер...
Зонт скрывает немного света

Перед тьмою, что наступает.
Вот из рук моих вырывает
Этот маленький слабый зонт...
И надвинется горизонт,

И раздавит горизонтально
Всё, что в мире моём вертикально.
Всё, что в мире моём изначально,
Без чего всего мира нет.

Так Россия в руках Бога —
И опять отодвинет сроки
(как от ветра прикроет зонтом).
Ни вопросов и ни ответов...

Только этот закатный ветер

Всё наваливается на рассвет непреклонную
бездну лет.
И меж них Россия одна, как была во все времена.

* * *

«Если надо объяснять, то не надо объяснять.»
_____ (Зинаида Гиппиус)

Это просто пядь земли,
На которой я стою.
Это просто пряди нот,
По которым я пою.

И не путать с волосами,
Из которых та былинка,
На которой меч Домоклов.

И не путать с голосами,

Если слышим ты и я
Все повторы Бытия
И снежинку с небесами.
Это тоже пядь земли,

На которой я стою.
Это тоже пряди нот,
По которым я пою.

Я не буду объяснять.

Ты за мной не повтори.
Ведь и я не повторяю
Поворот такой скрипучий!
Да и руль такой могучий мирового корабля.

* * *

На просторе не читанных книг
Море читанных книг – и я в нём утонул.
И вдохнул каждый миг – задыхаясь!
Но от жажды рождаясь на каждой странице.

Но лица своего даже не окунал
В эти вежды чужие – как и в бездну любой небылицы.
Так в немом разговоре я мир берегал...
А потом – как любовь! – горизонт убежал

И однажды уже не хотел приближаться.

Поле книг – и я в нём рудознатцем:
Вместо хлеба затеял морскую руду (поднести)
На ладони и к лицам гармоний...

И теперь я как рыба мирская в пруду (как в горсти).

А к вселенской водице вселенские кони
Подожли и желают напиться.

* * *

Художник, не достигший совершенства,
Суть та среда, в которой есть искусство.

Как некая потуга воскресения.
Как конская подпруга, стремяна.

Как та страна, в которой я родился.
Которой я невиданно гордился.
И плакал, когда сгинула она
(как будто бы украли Царство Божье).

И я, лукавством изгнанный из рая,
В себе ищу подпругу каждой музе,
Чтоб воспарила конной амазонкой!
Художник, не достигший совершенства

(что кажется себе рассветом звонким),
Суть ломкий логос в этом тонком мире!
Что видится ему как бездорожье.
И всё-таки является блаженством.

и смеркалось во мне, и восходило, и вообще (почти) переставало быть;
и когда я понял свою вторую книгу стихов (ещё не составленную), я определил
её просто: в России надо жить долго! Не просто насладиться Россией, но и
продавить собой всю тягомотину энтропии, человеческой, бесовской и даже
материальной...

и вот только тогда подходить к пониманию долга.

Николай Бизин

* * *

Надо за Родину повоевать.
Приходит такое. Кто мог ожидать,
Что серые ватники столь беззаветно умелы.
Что Слово и Дело вернутся на лоно эпохи.

Поклон тебе, Родина! Я бы прожил безответно.
И без откровения за други своя положить.
Вселенская выюга! Я мог бы костёр оградить.
Согреться один ради скромного личного счастья.

Но надо за Родину повоевать.
И вспомнить величие её. И своё в нём участие.
Вселенская выюга! Хочу ли я жить?
Не этот вопрос занимает, и даже не ради чего.

Ответит мне код генетический: Ради всего!

Не части какой-то, а только гармония мира.
В одном из созвездий которого русская лира.

* * *

Р. С. Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для мира.
Поэтому я как Православный Христианин и Русский Патриот низко кланяюсь
Сталину.

*Лука (Войно-Ясенецкий) хирург, профессор медицины и духовный писатель,
епископ Русской православной церкви 1877–1961*

* * *

На алтаре СВО
Не зло сейчас и добро,
Но сам Господь во Плоти́

И во Крѡви в честі́.
Сейчас у меня в горсти́

Не только мои смущения!
Что лишь мои сомнения
Мешают мне мир принять.

Взять каждую его пядь.
Небесную его гладь

На алтаре СВО
Не мне этот мир спасать.
Дано мне лишь наблюдать.

И даже не тем, кто – там,
Хотя изначально святы.

На алтаре СВО
Не зло сейчас и добро,
Но Свет Небесной Палаты

И благодати дождь.
И даждь им земную мощь.

* * *

Любовь всегда одна. И времена
Всегда одни. И ты повremени
Ступать по временам из года в год.

Как будто через реку ледоход,

И ты с одной ступени на другую,
Иудиным ломая поцелуем.

А я не изменяю временам,
Любовям, странам или племенам.
Поскольку времена всегда одни.
И мы с тобой одни как эти дни

И эти ночи, ибо они наши,
И их изменами не сделать краше.

И не ухудшить их любой изменой.
Ведь есть такое чудо во вселенной,

Что Бог всегда на стороне России.
И я не изменяю никогда,
Чему бы не пытался изменить.
Ни даже мысли в светлой голове

И нить в судьбе (как реку в берегах).

И речь в молве (словно душа в траве)
Всегда идёт на собственных ногах.

* * *

Реально до-ре-ми нас делает людьми.
А далее прими, что и не нужно дальше,
Как ты хотел! Любовь любимых тел
И тонкость наслаждения искусством

Есть средство приближения к совершенствам,

(которых не достиг)! О этот дивный миг
Когда упрёшься в Фатум, чуя боли
Бескрайние по-ля! Потом уродство
Заступит красоту или блаженство.

Ведь рухнули над бездною мосты.

Реально до-ре-ми как глиняное тесто.
Банальна нота нет для онемевшей си.
Но я буквально сир и гениально наг,
Как явный знак: Еси на небеси.

* * *

_____ **Саше Наумову (одному из...)**

Если ты летал на крыле,
Надо привыкать и к земле.

Если ты душою крылат,
То земное тело стократ

Неудобно будет лежать
(но подробно небо держать

Близко-близко чтоб от земли).
Не ушли мы, но прилегли.

Пропитали каждую пядь,
Чтоб земля умела летать.

И корпускулы взяв у плоти,
Собирала в мускул полёта.

* * *

_____ **Лёше Иванову**

Есть только один критерий именем Благодать.
— Посмотрим, как будет он умирать, —
Говорят святые отцы! И прямо в лицо
Светит солнце и праведнику, и подлецу.

А разве бывают другие сны,
Помимо весны? Вот только-только
Было студёно и горько! И даже без Воскресения
Достоинство есть такое Спасение.

И не надобно воинства, чтоб его проявить.
И проснуться во сне, чтобы не в смерти жить,
А уже в Nova Vita! Моё сердце разбито,
Поскольку не собрано, не подобрано женщиной.

А ведь было обещано.

И значит, исполнено так, что пока не возмог.
Но и срок не иссяк, ведь не вода в песок.

* * *

А тело начинает подводить.
А дело начинает уводить
От тела к человеческим пределам.

А я как кот вцепился в подоконник.

Я в год вцепился и вцепился в день.
Я чуть ли не назвал себя покойник,
Трухлявый пенёк от башни Вавилонской.

Земля моя осталась столь же плоской.

А лишь сорвался, обернулась жесткой,
Как тот батут, чтоб высоко подбросить.
Но я вцепился всей душой в осень,

Успев забыть, что мире нет весны!

Настолько повсеместно постоянна.
А тело начинает подводить.
Как за руку, чтоб стало мне желанно

Себя от тесных уз освободить.

* * *

Я жизнь не утверждаю (я живу).
Я смерть не утверждаю (я умру).
Любовь не утверждаю (я люблю).
Всё это твердь (на этом я стою).

Здесь ничего не происходит вновь.

Вот разве что любовь не предаёт.
Вот разве что никто здесь не умрёт.
Искусство не рассыплется трухой.
В старух теперь не обратятся жёны.

О очевидность! Я к тебе глухой.

Я жизнь не утверждаю (на краю).
Я смерть не утверждаю (на краю).
Любовь не утверждаю (на краю).

Я дальше края жить предполагаю

Уже невиданно и (даже) совершенно!

Я всё это подспудно возомнил.
Но пусть так сбудется (сверх меры скудных сил).

* * *

Р. S. Во вселенной есть вещи, которые известны, и вещи, которые
неизвестны, а между ними есть двери.
Уильям Блейк

О плоти что?
Поговорите вечером.
О сути что?
А говорить и нечего.

Живём-живём.
А после глядь-поглядь
Умрём-умрём.
Где в этом благодать?

А вот она!
Вчера пришла весна,
И вечером вдруг обновилась плоть.
А что потом?

А в этом и есть суть,
Что в плоти не Содом, а рай.
И ты в раю побудь и рай узнай
Со мною рядом или даже взглядом.

* * *

Светлые логосы, пламени светлячки
Полосу пограничную между мной и рассветом
Плавню пересекают! И как очи мерцают:
Так прозревают ночью – в главном, но – не сейчас.

И не вчера, но – всюду,
Видя во мне Иуду, что не успел предать (воочию).
А теперь и (заочно) не сможет.
Светлые логосы, пламени светлячки

Тихо коснулись кожи, словно рука реки
К берегу изрекла – даже если скалист.
Был я доселе мглист – а теперь пронизаем.
И почти осязаем в ауре силуэта.

Мир отделён от тьмы неугасимым светом.

Р. С. Играть на любом музыкальном инструменте очень легко: все, что для этого требуется, – нажимать в нужное время на нужную клавишу. А играть он будет сам.

Иоганн Себастьян Бах

* * *

Когда рассыпается тело,
Останутся Слово и Дело,
Как пыль, что для следа легла!
Крыла подобрать не успело,

И я на него наступил.
Душой, что превыше всех Сил
Могла быть, но здесь ослабела.

Когда рассыпается тело,
Какая возможна Победа,
Помимо бессмертия души,
Пока для себя не решил...

И Мир всё решил за меня!
Земли и Воды, и Огня
И Воздуха будут Стихии.

Когда рассыпается тело,
Я вновь просыпаюсь в России.
Стихии я снова в себе собираю.
Такая у Мира любовь.

* * *

«То были дни, когда я познал,
Что значит: страдать;
Что значит: стыдиться;
Что значит: отчаяться.» (Пьер Абеляр)

Люди в пути одни.

Мир для них как вокзал.

То были дни, когда я познал,
Что значит: молчать;
Что значит: звучать;
Что значит: раскаяться, но возгордиться.

Люди в пути одни.
Пусть этот вокал продлится

Далее ноты до, далее ноты си.
Я не могу просить этой завидной доли,
Чтобы мне с миром слиться;
Что означает: в боли – более чем в гармонии.

Я лишь сверчок запечный,
Смычок в не вечной ладони.

* * *

Земля – в раю, ведь яблока не ела.
А ел Адам – у жизни на краю.

Когда решал, как будет – во плоти,
А не душой – на жизненном пути.

И вот земля – в раю, а я (почти) в аду.
И ты (почти) в аду. Но ты меня прости.

И я тебя прощу и в рай пушу.
И ты – пусти, ведь мы в аду – почти.

Земля же (под ногами) – это рай.
И небо (под крылами) – это край.

А заглянуть за край – найти любовь.
Ты вновь прости. И я прощаю вновь.

* * *

Мне Россия приснилась.
В моём зеркале отразилась,
Чтобы не пропал в Зазеркалье.

Чтобы здесь утолял печали.

Чтоб в реальности был я весь,
А в иллюзиях не витал.

Чтоб в иллюзиях ростом мал,
А в реальности стал велик.
Как глагол, в котором родник:

Он в зиме озаряет зиму,
А к весне добавляет вечность.
Назову его человечность.

Навсегда мне Россия снится.
Никогда не проходит мимо.
С нею мне дано пробудиться.

* * *

Каждый смертный имеет право
Страстной желать любви.
А то, что это опасно,
Так ты её позови

Ласково и не властно.

Каждый смертный имеет право.
И лево имеет каждый.
И каждому эта змея с Древа
Через Еву смерть передаст.

Каждый смертный на смерть горазд.

А как бы любви мне страстной
И столь опасной, чтоб смерть сама
Шагнуть ко мне усомнилась
Всего лишь на миг... И сошла с ума!

Так это великая милость.

И каждая малость мира сего
Из ничего достигала всего.
И вновь мне ничто обрести спешить.
И грешить выживать, и жить.

Р. С. О нас думают плохо лишь те, кто хуже нас, а те кто лучше нас...
Им просто не до нас...

Омар Хайям Нишапури

персидский философ, математик, астроном и поэт. Внёс вклад в алгебру построением классификации кубических уравнений и их решением с помощью конических сечений. Известен во всём мире как философ и выдающийся поэт, автор цикла философских рубаи. Омар Хайям также известен созданием самого точного из ныне используемых календарей.

* * *

У Бога комплекс Бога,
Он создал человека.
Я нравственный калека,
Я создаю любовь.

Я плоть и кровь беру.
И вот уже к утру,
И вот уже к полудню,
И вот уже к закату

Я наново люблю
Так, чтоб любить не стыдно,
Богато и не стадно.
И ладно бы к рулю большого корабля,

Плывущего к рассвету, бегущего заката.
У Бога комплекс Бога, а мне – ума палата
И царь для головы.
Ладонью той травы,

Ладонью того неба любовь моя коснётся.
И мир перевернётся, и в нём не станет зла.
Как будто у руля большого корабля
Не надо мне весла, достаточно и солнца.

Нынешние теории мироздания походят на бред сумасшедшего. Сколько тратится на это сил и времени – и все понапрасну! Дело совершилось просто: «рече, и быша; повеле, и создашася».

Феофан Затворник

* * *

А войне наплевать, как меня убивать.
И вдвойне убивать, и втройне наплевать.

А как мне выживать – это не всё равно.
Победил я давно эту мелкую вошь:

Что для совести ложь, то и гибель моя.

А войне наплевать, как меня убивать:
Убивать соловья, убивать во мне жабу.
Ведь война не о том, каким буду в гробу,
А смогу ли судьбу с небесами сроднить.

Это тонкая нить, это хрупкая плоть.

И смогу ли пришить я бессмертие к смерти
В небесах и на тверди.

* * *

Я полюблю.
Потом я погублю.

Потом и пригублю как воскресение
Любви моей чудесное спасение.

И вновь я полюблю.
И будет та любовь

Как плавание большому кораблю,
Когда я оказался за бортом.

Любовь плывёт! А я наоборот:
Смотрю, как уплывает от меня.

Но знаю я: спасение бывает.
Я потому и жив день ото дня.

* * *

В интересные времена мы жизнь проживём.
В интересные времена мы даже умрём
Под влиянием распада телесного.
Обаянием внешнего взгляда

Красота существует, пока
Есть кому её видеть века.
На века припадать обладанием.

Я с тобой не делюсь своим знанием,

Ибо вровень с тобой нахожусь,
Словно корень в нутре атмосферы.
К прометеевой этой скале
Не прикован для-ради примера,

Что в кармическом этом угаре
Мне печали (астрально) не выключают твари.
Ведь крылами созданий космических
Не смахнуть поражений эпических.

Неизменна тогда Воскресений Среда,
Где вся гамма геенны всегда под ногами
Где всё тленно, и только рассвета шагами
Нота нет зазвучит нотой да.

Р. С. Утром узнав истину, вечером можно умереть.
Конфуций

* * *

О плоти, что в пути.
Ты плотьпусти.
Иначе вдруг развалится как плот.
И поглотит её бездонный пот.

И кровь с любовью станут бесполезны.
О плоти, что в пути
Над самой бездной.
И вот она уже в твоей горсти,

Моя душа! Как медного гроша

Ничтожный вес.
Немного в ней небес.
Зато в ней часть сейчас любви и Бога.

Р. С. Любовь – это для молодежи.
Для военнослужащих и спортсменов... А тут все гораздо сложнее. Тут
уже не любовь, а судьба.
Сергей Довлатов

* * *

А мы с тобой по обе стороны
Реальности, в которой мы важны!
Я и в аду, я и в Саду Камней.
Ты и в раю, и тоже на виду.

Мы оба не отбросили теней.

Но света дней мы даже не видали!
Он тоже посреди, а мы с тобой за дали
Или за близи гордо удалились.
В Среде мы Воскресения не сбылись.

Ушли мы в тонкий мир и там расстались.

Я и в аду, я в Саду Камней.
Ты и в раю, и тоже на виду.
А между нас реальный мир любви.
И там меж нас разлуки нет фатальной.

* * *

Нет вопроса, зачем мне зло.
Нет ответа, за что добро.
Меч домоклов на нити волоса.
Голова покатится с плеч.

А потом зазвучала речь.

Я добро сумел оправдать.
Даже зло посмел называть
Добросовестно и приватно.
Голова вернулась обратно,

Не успев закатиться в даль.

Я не пробовал удавиться
Оттого, что моя печаль
Совершенна в не утолении.
Мир прекрасен и в удалении.

Мир прекрасен и в приближении.

Никогда он не был напрасен.
На века такая мораль.

* * *

В дневниках Анны Ахматовой находим описание того самого момента, когда участники «Цеха поэтов» (Гумилев, Городецкий, Иванов, Зенкевич, Нарбут, Мандельштам) почти случайно придумали название для своего нового поэтического направления – акмеизма.

«Я отчетливо помню то собрание Цеха (осень 1911-го), когда было решено отмежеваться от символистов. С верхней полки достали греческий словарь (не Шульц ли!) и там отыскиали «ἀκμή» – цветение, вершину. Меня, всегда отличавшуюся хорошей памятью, просили запомнить этот день. Вместе с моими товарищами по Первому Цеху поэтов – Мандельштамом, Зенкевичем и Нарбутом – я сделалась акмеисткой».

Современники, впрочем, иногда давали происхождению названия для нового поэтического направления иное толкование. Так, Владимир Пяст видел его истоки в псевдониме Анны Ахматовой, по-латыни звучащем как *akmatus*, некоторые указывали на его связь с греческим ἀκμή («острие»).

Акмеизм – исключительно русское течение в поэзии Серебряного века. Как литературное направление просуществовало всего пару лет, однако помог найти себя и начать карьеру половине поэтов-модернистов. В центре внимания акмеистов – реальность, которая изображается с разных углов: прекрасного и безобразного, темного и светлого, близкого и далекого. И самое главное – отрицание идеального, недостижимого и перемещение внимания на то, что находится «под ногами».

* * *

Любовь, конечно, не могла
Сама избавиться от зла.
Она не вечна, а зло вечно.
Она увечна, а зло вечно.

Она живёт, и зло мертво.

Я как бы сквозь стекло смотрю
На эту красоту твою.
И вижу красоту – не эту,
А словно в окружении света.

Всё это общие слова.

Любовь жива, а не мертва.
Любовь мертва, а не жива.
Не голова сейчас решает,
А свет, что освещает вновь

Мои любовь и нелюбовь.

И я отягощённый злом.
Прощённый я и не прощённый.
Но вижу я – добро не это,

А дальше, в продолжение света.

* * *

Леонардово зазеркалье.
Леопардова та походка
Моей веры в тебя, любовь.
Моя вера не знает меры.

Леонардово зазеркалье.
А ты вновь из плоти и крови,
Дальше снов и дальше основ.
И опять говоришь: Оставь

Свою веру и свою меру.

Подошёл к петле в Англетере.
А потом петли отступил.
Стал любовью превыше тех
Сил невидимых и бесплотных

В леонардовом зазеркалье.
Никаких не вижу животных,
Но и ангельских не желаю.
Я по краю тогда пойду.

Свои плоть и кровь я познаю.
Твои плоть и кровь я лобзаю.
Леонардово зазеркалье.
Совершенство, что на виду.

* * *

А сердце-пешеход идёт по снегу,
По тоненькой пороше... Мысли строже,
Чем светлые следы.
Какие-то труды,

Что не предстали сердцу моему,
Ещё предстанут. Ведь суму с тюрьмой
Кто не возьмёт?
Оно идёт домой,

То сердце-пешеход, а дома нет.
Я сердцу моему даю совет

Всегда идти по снегу как по неге
И оставлять следы... Но не беды,

А неких светлых чувств,
Моих искусств!
Помимо тех телесных осязаний,
Которых ровно шесть...

Меня ж не перечесть
В пространствах моих!
Вот на своих двоих
Ступает сердце... Словно человек

На век мой наступал

И оставлял
Лишь светлые следы, и никакой беды.

Р. С. А ты ни за что люби.
Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы

* * *

Представь, что света нет —
Поскольку всё есть свет.
Представь, что нет любви —
Поскольку всё любовь.

Прославь такую новь,
В которой нет весны —
Поскольку всё весна.
И призови такие сны на этот мир.

А я сатир, пастушку не догнавший.
И на ушко её совсем не прошептавший
О похоти своей.
Представь, что я злодей

Который зла ещё не совершил.
Ему же – новый мир и Nova Vita.
Теперь представь, насколько же разбито
Простое сердце бедного злодея.

Когда-нибудь – собрать его сумею,
Как ты сумела этот мир собрать.
Мой путь – ещё в начале: еле-еле
Бессмертная душа во смертном теле.

* * *

Когда отважно, что живёт (во мне),
Не столь уж важно, что грядёт (вовне).

Не то чтоб внешнему в огне сгореть.
От смерти вещему вольно не умереть.

А что (вовне) не будет хорошо,
Я словно бы (во мне) протру душой.

А что (вовне) свой потеряет вид,
(во мне) себя достойно исцелит.

И как в преображение Господне,
Пусть целостность пронзает плоть (сегодня).

А что пути заблудятся (вовне),
Так сбудется прекрасное (во мне).

Р. S. Вы ослеплены золотом, сверкающим в доме богатых; вы, конечно,
видите, что они имеют, но вы не видите, чего им недостает.
Августин (Аврелий)

* * *

Искушение властью,
Страстью, святостью, чем угодно —
Внешне даже и благородно,
Как на солнышке пятна сажи.

В них сияет моя гордыня!

Преисподняя здесь на доньшке.
Искушения Христа в пустыне
Лаконичны и беспощадны.
Я хотел бы жить непробудно,

Но гордыня моя отрадна!

И, казалось бы, мне не спрятаться
Ни в самом себе, ни в миру.
Ныне я могу искушаться,
Зная: в Господе не умру.

* * *

Видением Царскосельского Лицея
Какую я измыслю панацею,
Чтоб вызвала во мне благоговение
Над массовой культурой вранья,

Я даже не могу себе представить.

Скорее, комментарии врача!
Почти как полюбовницу влача
В возвышенные брачные чертоги.
Любой бы здесь задумался о Боге.

По силам лишь Ему спуститься в Мир Искусств.

И вывести из ада светлых чувств
Великие былые свершения.
А после завершить Миротворение
Единым Словом озарённых уст.

* * *

Что в грядущем я считаю достойным?
Не перекладывать на них наши войны.
Наших будущих детей – пощадить.
Настоящих же людей – полюбить.

Так слагается моя колея.
Пролагается течением ручья,
Где и речь моя – из многих речей.
Горячей, холодной, и ничьей

Не бывает – и всегда лишь моя.
Тишь в ветвях – словно нет соловья.
Даже жаворонок в небе исчез.
Остаётся полуденный лес,

Где и ветви проросли – от и до.

А века – мне из-рекать навсегда
Нотой до, что становится да.

* * *

P. S. У писателя Умберто Эко была огромная личная библиотека – более 50 тысяч книг. Своих гостей он разделял на две категории. На тех, кто реагирует в стиле «Ничего себе, дотторе Эко, ну и книг у вас! Неужели вы их все прочитали?», и на тех редких посетителей, которые понимали, что непрочитанные книги куда более важны, чем прочитанные.

Писатель говорил, что чем шире кругозор, тем больше за вашими плечами непрочитанных книг (но вы знаете, что они есть и можете в любой момент к ним обратиться).

* * *

О как бы ни о чём!
Чтоб небо не плечом
И не гореть свечой...
А просто стать лучом,

Упасть и осветить!

Я возжелаю жить
Горя ни о чём.
Пылинки зреть в луче,
Лишь озаряя страсть

И освещая пруть.

О чём бы ни о чём
Я не желаю ныть.
Но каждая напасть
Твердит сперва о плаче,

Который ждёт меня!

И станет палачом,
Коль буду я иначе...
А стал бы я лучом,
Родившимся в рубахе,

Все плахи сквозь меня!

О чём бы ни о чём
Мои пустые страхи.

* * *

Имея что сказать,
Умей себя сдержать!

Не говори слова,
Понятные едва себе же самому.

Я лишь потом пойму, что я произносил.
Я все пределы сил моих преодолел.

И там, на грани мира
Не сотворить кумира почти что невозможно,

Чтоб губы его жиром и кровью, и словами...
Так происходит с нами, чего бы не хотел!

Каких бы добрых дел потом не натворил,
Всё может стать ложью.

* * *

опять о другой гамме

А за-чем – прозвучит что поём (что почём).
А за-тем – подпереть это пение плечом.
Кем я стал (и чем пел и молчал) —
Это за-темно тема, нездешний вокал.

Чтоб душою за телом последовать следом в беседе
(не вопрос за ответом, а) – тенью за Светом.
Я за-тем и являюсь – что ничем становлюсь,
Чтобы груз не волочь, а иначе помочь:

Объ-явить, что нет тяготы вовсе.

А за-чем – проскрипеть как скрипичным ключом:
Сила воли – (на треть) это звук на просторе,
Мановением рук устремлённый...
Я смотрю на тебя, (на две трети ещё)
просветлённый:

Мироздание стало звучать.

Это значит – что (дланью) сиять стали ближе.
Со-звучания прядь – (как от ветра) и дальше,
и выше.
А за-чем – там (за гранью) за всем хоть на пядь.

* * *

Меня отлучали от Церкви.
Но Церковь меня привечала,
Всегда воскрешая меня,
Когда был готов умереть.

Как некий в берлоге медведь,
Залечь и проспать свою гибель,
А после взойти по весне...

Во мне много так меня было!

Меня отлучали от Церкви.
Не только светила искусства,
Не только науки светила
(что зримо даны нам во плоти).

А то, что вы мало живёте...
И пусть даже Вечности ждёте...
Исполните долг или нет —
Не в этом весь Свет, только часть.

Часть Света меня отлучала от Церкви.

Вселенская Церковь есть Тело Христово.
Из этой основы возможно и Бога пытаться
украсть
(тем самым признав над собой Его власть).

* * *

А мы с тобой пылинки на весу.
А мы с тобой как льдинки под веслом.
Мы сокрушаемся и сокрушаем:
Лишь кажется, мы жизнь сооружаем,

Поскольку «мы» и не было, и нет.

Я вижу свет.
Порой я вижу тьму,
Поскольку мира нет, и никому
Его, помимо нас, не повторить.

Мы вышли в море, чтобы полюбить:

Живые, мёртвые и те, кто на борту
(борт сокрушается пылинкой на ветру).
В нас содержимое как некий натюрморт
В пределах рамы и пучине вод...

Подобные лучинам света
(ведь нам наградой Болдинская Лета).

Мир сотворённый – пересотворить.
Мир вылюбленный – переполюбить.

Тогда мы обретём такое «мы»,
Которое уже не будет немо —
Пылинкой на весу и мира мимо.

* * *

Чума на оба ваши дома!
Чума, поскольку исцелима,
Сама решит свои вопросы.
Сама найдёт свои ответы.

Я продолжаю просто быть
В том Мироздании, что нескладно.

Желать чумы на оба дома
Знакомо в этом Мироздании
Любому, кто в со-Бытие
Своё со-Знание на крыле...

Но продолжает просто быть
В том Мироздании, что нескладно.

А я доволен, что я есть.
И я достоин, что есть честь.
И я достаточен, что часть
Незримой власти над незримым

Хранима так же, как и я
В со-Знании со-Бытия.

* * *

Без времени нет пространства.

Такое вот есть убранство,
Пространство и время кожи.

Душа ведь кожей тоже
Покрыта и не убита,
Когда эту кожу сняли

Для полной близости с миром.
Без времени нет пространства.
Душа не прикрыта жиром,

Когда с неё кожу сняли —
Такая любовь в миру!
А так бы всё на игру

Похоже: любовь – прекрасна!
Расстаться с миром – ужасно.

Любовь бы стала напрасна.

* * *

И Русь нельзя было спасать в субботу,
Не то что исцелять случайных иудеев.
Владею я таким миропорядком,
И мною же геенна овладеет.

Всё это бrenно, ибо решено.

А вот зерно переиграть в вино.
А вот цена, что возвести в вину.
А птичия щебечущая рать
Протянется в длину и вышину.

Всё это славно, ибо решено.

А я живу давно или недавно.
А я люблю нескладно или справно.
Да, Русь нельзя было спасать в субботу.

И всё-таки свечой не угасать.

* * *

Не исчезает красота.

С Креста не сходит красота.

Не унижает красота.
В любом достоинство находит.

А что любовь? Она проста.
В ней не иссякнет красота.

Хотя, казалось, нет Креста
В любви счастливой и несчастной.

В любви напрасной не напрасно
Не исчезает красота.

Так из гармонии в гармонь
Течёт звучания огонь.

* * *

Уподобиться Богу.
Руки-ноги настолько убоги,
Что не к Богу несут и идут.
Это труд.

Через труд капля камень.
Через труд лёд и пламень
Дольше вместе живут.
Это труд.

Уподобиться Богу
Никогда через труп.
Руки-ноги настолько убоги,
Навсегда не решат, не спасут.

Но хотя бы на миг
Этот труд
Боли крик обращает в рождение.
Никакого здесь нет снисхождения.

* * *

Кому-то корёжит слух.
Кому-то тревожит Дух
Весть, что один на льдине
Ты навсегда есть.

А по берегам места,
Несказанная красота.

Кому-то солжёт (про)зрение,
Что красота не сможет
(едина в Отце и Сыне)
Остаться с тобой на льдине.

Хочу я побыть судьбой,
А не проплывать мимо.

Целые поколения в этакий ледоход.
Каждый – один на льдине, ежели не перейдёт
Стопами перерождений, не задевая воду,
Из своей непогоды в тихую ту природу.

* * *

Здесь проживает спасение.
Забвение пристроится рядом.
– Весть, что спасение взглядом
Можно вполне перечесть

И завязать узелок! —
Слог мой настолько возвышен.

Здесь проживает спасение.
– Словно бы дождь, что по крыше,
Что никуда не уйдёт, —
Слог мой настолько возвышен!

Словно бы птичий полёт,
Столь же промокший меж капель.

Здесь проживает спасение.
Здесь улыбается Бог.
Взглядом пройду меж потерь.
Слог мой пристроится рядом.

* * *

На двоих возможен Дух.
Одному предложен Дух
Не в суме или тюрьме

(и в суме или тюрьме),

Но (бывает) – потому, что идут по одному!
И живут по одному.
Даже там, на Колыме.
Даже там, в Первопрестольной.

На двоих возможен Дух,
Как возможен ветер вольный!
Тополиный пух предложен
На ладони Бытия.

В Духе – ты, и в Духе – я.
Тополиный пух – продолжен,
Если дунет ветер вольный!
Твердь и небеса довольны.

Смерть и небеса довольны.
Вот такие чудеса, что лечу – из смерти в твердь.
Хохочу – из смерти в жизнь
По незримому лучу.

Р. С. Ничто нельзя произнести столь точно, чтобы оно не было ложно
истолковано.

Бенедикт Спиноза

* * *

_____М. К.

Если бы ты хотела
Сочетания браком души и тела.

Если бы ты приняла,
Я бы обрёл крыла.

Если бы я возмóg,
Стал бы тебе дорог.

А так мы на первой ступени,
И вокруг непроглядный мрак.

И враг наш Свет караулит.
И как будто бы родничок балагурит,

Зовёт припадать к студёной.
Это и страсть, и власть.

Это и сласть, и где-то
Небо души озёрной.

Р. С. Виктор Топоров

3 декабрь 2012 г. ·

Один умный человек (уж не Эйнштейн ли?) сказал: “Спор – всегда унижение. Вас унижит результат спора со мной, а меня – сам факт спора с вами”.

* * *

Танец любви
И на постели тоже.
Глянец любви
И в свиристели тоже.

Пот, что на коже.
Плоть на душе.
Я в неглиже заново душу надену
Пеной морской на скелет.

Танец любви
И на постели тоже.
Души на ложе не предвещают бед.
Каждый скелет, что оболжён в любовь,

Ты приготовь, чтобы явились смыслы,
Что и зачем.
В каждом грядущем,
Прошное ждущем, чтоб полюбить совсем.

_____М. Н.

И нечто превращается в ничто.
Но вот ничто не обернётся нечто,
Когда не согласится добровольно:
Что без любви на этом Свете больно!

И невозможно быть на Свете том.
А что потом, когда ты оба Света?

И нечто превращается в ничто.
Но вот ничто переметнётся в нечто:
Туда или обратно через Лету!
Но это невозможно без любви.

А что потом, когда ты оба Света?

Твоя планета только под ногами.

И это невозможно без любви:
Меняться берегами во вселенной!
Переплывать не только всю геенну,
Но исчерпать, что на Свету бесценно.

* * *

Дар ученичества! Сколь мало мне дано.
Я даже не вполне им обладаю.
Едва ли вскользь порой пересекаю
Какой-то отсвет, брошенный во тьму.

Дар ученичества! Он нужен одному,
Он нужен всем и нужен потому,
Что надобно душою потрудиться.
Что надо разучиться мне гордиться.

Что миру должен пригодиться я.
Что колея, а в ней телега жизни
Всё катится с рассвета до ночлега.
И всё-таки готов ли я свернуть

Не вправо-влево и не в глубь, а вверх?

Дар ученичества! Я слышу чей-то смех,
Почти что мой... Вот-вот сверну домой.

* * *

На самом деле тело – это корень.
На самом деле (далее) – есть Древо:
Не только мои Слово или Дело,
Но и пределы кроны над землёй.

На самом деле (далее) – есть дали.
На самом деле (далее) – есть близи,
Что видимыми станут только в выси.
А здесь они угаданы несмело.

И что на самом деле я – творю,
Ещё не воплотив собой зарю,
А сразу обещая Новый День?
Я только тень себя, но – искренняя тень:

И лгу я искренне, и правду говорю.

А в тоже время (далее) – есть Древо
Уже без лжи, ведь Плод сорвала Ева.

Р. С. Смерть – это то, что бывает с другими.
Иосиф Бродский

* * *

Что странного в дожде?
А то, что он нигде
К земле не прикоснётся!
Но прольётся

И странствовать пойдёт в иных мирах.
Встречал ли я настолько проливных?
Насколько прорывных людей идей?
Насколько я ничей, что даже не встречал.

В чём страх дождя?
А в том, что нет начал
И окончаний нет.
И только малой долькой

Рассвет уж наступил по мере сил.
Не оттого я странное спросил,
Что ждал себе какой-либо ответ.
А оттого, что и вопросов нет,

Но данность есть.
И в этом благодарность,
За то, что странности моих миров
Не заменяют мне мою реальность.

* * *

Прямо-душие не есть путь души.
Просто-душие не есть суть души.
Не на суше пролегает душа.
Не в глуши и подаянии гроша.

А в любом своём стремлении наружу.

Я живу не в поклонении душе,
А в каком-то поколении души!
Всех прижизненных смертей и рождений.
Всех навязанных её само-мнений.

Прямо-душие не есть путь души.

Я, пожалуй, прихожу к равно-душию.
Становлюсь я миру равен душой.
Но ещё я остаюсь свое-нравен.
И как грош неразменный забавен.

* * *

На солнечном свету из тел исходит пот.
На Чёртовом мосту из тел исходят души.
Вся хрупкость мироздания наяву.
Все крепости падут от собственной нелепости.

Не утонул, лишь на плаву живу.

На солнечном свету не слышу больше нот.
На Чёртовом мосту звучание всё выше.
Не до-ре-ми, а альфа и омега.
В ладони Альп живу согретым снегом.

И умираю в жизнь, и воскресаю в смерть.

Поскольку нахожу земную плоть
В самом себе, как смерть моих небес.
Я не ревную к бесу, что во мне.
А твердь сгорит в полуденном огне.

* * *

И происходит разделение
Материй тонких и реальных.
А так же громких и банальных.
Затем идёт распределение.

И мироздание по полкам
Переплетается с прозрением.

И нет мне никакого толку
Не видеть то и видеть это.

О том, где пролегает Лета.
О том, как слухи втихомолку,

Как неприкаянные духи
К отчаянным прибегнут мерам,

Чтоб достучаться до реальных.
Себе я буду злым примером
Бытийности материальной.
Но происходит разделение.

А сомнения уходят.
В моей незыблемой природе

Совсем немного неземного.
А остального просто нет.
День ночи – ударяет в очи.
Тень света – это тоже свет.

* * *

Воспарю же и духом, воспарю и умом.
Если зрением и слухом проникаю с трудом,
То и здесь никогда не уйду за пределы
Даже слабого тела! Как в сосуде вода,

Что прольётся лишь в пропасть, не лучом воспарит.
И какой же тогда открывается вид
На невидимый мир и на жизни итоги?
Но своё покидают язычество боги!

Ставши грешные люди и в Санкт-Ленинграде,
И во Владивостоке – там, где завтра сейчас.
Ведь у нас вечера не касаются глаз.
А вчера или завтра зримо одномоментны.

Никаких монументов, только дух во плоти.

Моё тело в пути – все корпускулы духа
Как живую водою пропитаны зрением и слухом.

* * *

Почти безнадежное дело.
Почти уязвимое тело.

И смерть неизбежна почти.
Почти же ты малую долю.

Почти же ты Божию волю
На всём безнадёжном пути.
И белых одежд не снимай.
Построишь ли рай на земле,

Об этом почти не узнай.
Достроен он и до тебя.
Построен он и для тебя.
А я назову тебя воин,

Крестьянин будь ты или зодчий.
Ведь очи твои различают,
На чьей ты сейчас стороне
В почти безнадёжной войне.

Почти же ты малую долю.
Почти же ты Божию волю.
И сам я такой же почти
На искреннем этом пути.

* * *

 9-V-2024 г., 7–31 утра.

Чувство сопричастности,
Чувство благодарности
Очень безыскусны
И не лезут в очи.

Это то, что есть
К вам, мои хорошие.
Чем душа доступней,
Тем она дороже.

Это то, что есть.
Это то, что будет.
Или нас не будет.
И не надо лет,

Хватит и мгновения.
Поколению вынесших
Мир СССР
Сразу на простор

Космоса Победы.

Вам желаю Света.
Но вы сами Свет.
Хаоса в вас нет.

* * *

Всё вернулось на крúги своя.
Всё верну в Колесо Бытия.
Не когда в Бытии утону,
А когда поднимаю волну.
Лишь ударив о берег, верну.

И от самого дна, и по глади
В Бытии не подвинув ни пяди,
Но меняя свой взгляд на него.
Ничего не хочу я нарушить.
Потому и молчу о любви.

Всё вернулось на крúги своя.
Здесь встречаются только свои.
И влюбляются только свои.
Продолжаются в выси и глúби.
Глупо двум чужакам полюбить.

Всё вернулось на крúги своя.
Хоть и вижу ту нить, что хранит
И сшивает и душу, и плоть
Колеса Бытия, ну а суть,
Что прокатится прямо по нам...

Я тебя никому не отдам
Где-то там, а не здесь и сейчас.
Путь обрушился не на показ.
В этой вечности встречность другая.
В ней не будет ни ада, ни рая.

Р. S. Один шут, сопровождая погребальную процессию знатного римлянина, во всеуслышанье попросил покойного донести до покойного императора Августа, что завещанных им подарков, народ так и не получил. Тиберий распорядился доставить шута к себе. Вручил ему подарки, обещанные Августом, и приказал казнить, чтобы шут мог лично доложить Августу, что свой подарок он получил.

* * *

В преддверии дня рождения
Есть у меня сомнение:
Стоит ли мне родиться?
Или таким остаться,

Каким я был до рождения.

Доверие к Дню Творения —
Когда бытие до веры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.